

ЖИЗНЬ АРТИСТА

Чуть более года назад в Омскую драму приехала на репетиции "Женщины в песках" актриса из Японии Араки Кадзухо. Пять вечеров подряд перед спектаклями в актерском буфете она наблюдала актера Академического театра драмы Юрия Ицкова в разных гримах и костюмах. Удивилась такой высокой степени актерской занятости.

- Юрий, если условно сконцентрировать твою жизнь на последние, предположим, недели две, то...

— То заканчивается полубессонная ночь, совершается автоматический подъем и начинается полубессознательный день со всплесками всяких психических отклонений и стрессов, паники, перемежающейся шутками, каким-то странным полумором. В общем, это все — жизнь последних месяцев, даже не недель. Спектакли — каждый день. Разные. При одновременных репетициях новой постановки. Часто общаюсь с актерами других городов и понимаю, что таких нагрузок вроде бы и нет нигде.

Играть так много — это же просто психически вредно. Кстати, у меня "охранная норма" — восемь спектаклей в месяц. Когда за рубежом, к примеру, играется 20 — 25 дней подряд спектакль (но — один и тот же, а не разные), актеры зарабатывают после этого столько, что могут позволить себе на время отойти от театра, психически восстановиться. Мы такой возможности не имеем. Наша система очень несовершенна. Впрочем, когда я говорю об усталости, я имею в виду прежде всего эмоциональную усталость. Запас психологический и энергетический для ролей — есть.

— Ты был бы рад антрепризной форме работы, когда с руководством театра оговариваются абсолютно все условия контракта, включая ставки, роли и т.д.?

— Так и должно быть. Изначально, когда вводят контрактную систему. К сожалению, сейчас, даже после заключения контракта актер практически не знает ни своих прав, ни обязанностей, не знает, что он будет играть, устроит ли его оплата. Сегодня все смешалось — и подлинная антрепризность, и ее имитация.

ЮРИЙ ИЦКОВ:

Играть так много вредно

Ю.Ицков и его четвероногий друг Рома

Ведь действительно есть такие директора, главные режиссеры, которые, являясь по сути госслужащими, ведут себя в театрах как карабасы-барабасы: свои собственные указы нелепые издают, какие хочешь контракты, законы. И это — в государственном театре!

— Около двух лет ты возглавляешь Омскую организацию СТД. Продолжаешь ли ты верить в возможность каких-либо кардинальных перемен в театральном деле?

— Многое зависит не от СТД, а от самих актеров, от того, что внутри нас. Если люди разобщены и не испытывают друг к другу интереса — тут никакое СТД не поможет, будь даже председатель хоть семи пядей во лбу. У актеров некий "слом" внутри. И вряд ли в ближайшее время это можно исправить. И еще одна причина есть — технократический подход к теа-

тральному делу. Спектакль часто запускается, как машина. И актерская "составляющая" — словно некий "кривлятельный" механизм, всего лишь одна из частей механического процесса. Не учитывается то самое тонкое, психическое волокно под названием "душа актера". Но если артист превратится в машину, это видно невооруженным глазом — когда на сцену актеры выходят измученные, "забитые", с бегающими глазами.

— Давай вернемся к "очередным задачам" Омского СТД.

— Одна из самых очередных — "запустить" ресторан в Доме акте-

мы с тобой лет через пять. Что бы ты захотел мне ответить в XXI веке на вопрос о том, из чего складывается жизнь артиста?

— Я хотел бы с радостью, например, сказать: приходи в театр через пять дней — я буду спектакль играть, с удовольствием, свою любимую роль. А сейчас я к нему с таким же удовольствием готовлюсь, читаю умные книги, отдыхаю, вот пойду в бассейн, потом в спортзал, на "халтуру" никуда бежать не надо, холодильник полный, без суеты на радио запишусь, на телевидении. А через неделю, сказал бы с радостью, у нас заседание правления СТД и у нас все финансово стабилизировалось, и мы не ходим, как нищие, с протянутой рукой и не зависим от настроения начальников. И что прекрасно работает Музей театрального искусства Омска, и что регулярно выходит в свет независимый журнал "Омск театральный", и что никто не забыт из ветеранов омской сцены, и что Творчество — главное сегодня во всех театрах.

— Провокационное: ты и "провинция" — совместимы?

— У меня нет никаких комплексов по этому поводу. В этом смысле я вполне самодостаточен. Мне кричали "браво" в Италии, в Польше, во многих городах России — ну и что? Я в любом случае знаю себе цену. Бывает, встречаешься с режиссерами из "столиц", и вот они смотрят на тебя этак снисходительно, именно как на "захудалого провинциального актера". А потом начинаешь с ними работать — и думаешь: господа, да откуда ты такой взялся-то? Что ты мне говоришь? Да я это еще в 60-е годы играл в институте! Очень подерживает в этой жизни память о тех, кого сегодня уже нет, — Чо-нишвили, Ожигова, Каширина, Щеголева... Ощущение той самой "ниточки", которую ты продолжаешь. Это те настоящие актеры, без которых ничего бы вообще и не было.

— Почему у тебя на столике Исиака Такубоку?

— Люблю этого поэта.

— По-моему, ты противоречишь самому себе. Читать японцев — это ведь значит быть свободным, иметь, как ты говоришь, пять дней перед спектаклем.

— Так вот он и дает мне ощущение, что я — свободен.

Беседу вел
Сергей ДЕНИСЕНКО

ОМСК

— Предположим, встречаемся